

Л. П. Потанов

ДРЕВНИЙ ОБЫЧАЙ, ОТРАЖАЮЩИЙ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ БЫТ КОЧЕВНИКОВ

В 1909 г. акад. В. В. Бартольд опубликовал в статье под названием «Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в.»¹ отрывок из персидской исторической рукописи «Бахру-л-асрар-фи-меканиби-л-ахьяр» («Море тайн относительно доблести благородных»). В этом отрывке рукописи XVII в., автором которой был Махмуд сын эмира Вели, сообщаются весьма интересные сведения о церемониале питья кумыса при дворе узбекского хана Надыр Мухаммеда (правившего сначала в Балхе, потом в Бухаре и Самарканде), умершего в 1651 г. Автор рукописи отмечает, что церемониал этот выполнялся в соответствии с требованиями *ясы и юсуна*, т. е. монгольского обычного права. Кумыс являлся одним из основных напитков у узбеков XVII в., по быту своему преимущественно кочевников. Питье его было связано с определенным церемониалом и правилами, выполнявшимися не только при дворе хана, но, повидимому, и в юртах рядовых кочевников.

Основные моменты церемониала при дворе хана относились к порядку размещения по определенным местам участников угощения, в соответствии с их рангами, а также к порядку подношения кубков, или чарок, с кумысом, ходящих по кругу. Церемониал требовал, чтобы собравшиеся рассаживались по определенным местам с левой (для более почетных) и правой стороны от хана, строго по рангу.² Правила питья кумыса были, по определению автора рукописи, «неисчислимы», из них он нашел возможным сообщить только небольшую часть. Описываемые им правила и обычаи сводятся к следующему.

Когда приносили кумыс, один из служителей хана (одачи), по знаку его, наполнял чашу хана и преподносил ему «с соблюдением всех приличий». Хан немного отпивал из нее «прогоняющего печаль напиток», а остальную часть жаловал одному из своих надежных советников-эмиров. Эмир должен был, «во-первых, обменять царскую чарку, во-вторых, выпить все пожало-

¹ Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина. Записки ИРГО по Отделению этнографии, т. XXXIV, СПб., 1909, стр. 293—308.

² Подробное описание чинов и их мест см. у Бартольда на стр. 301—305 его статьи.

ванное ему». После этого одачи, выполнявший роль виночерпия, по знаку хана выпивал одну чарку, а вторую (ханскую) снова наполнял и подавал прежним порядком хану. Затем несколько одачи сообщали правой и левой стороне собравшихся о ханской милости и начинали подносить кубки «бесподобным эмирам», упрасывая их выпить. Когда круг эмиров был обойден, одачи приступали к отмериванию кубков и чарок должностным лицам (ишик-агам, курчиям и т. д.) и остальному войску. При этом распределении кумыса представители правой и левой стороны, или, по выражению автора рукописи, «правого и левого крыла», не смешивались. Они подходили поочередно по два человека от каждой стороны, садились рядом с одачи, получали от него по кубку, выпивали их одновременно, разом вставали, преклоняли колена и возвращались на свои места.

Описанный в персидской рукописи церемониал распивания кумыса при дворе узбекского хана обнаружил М. Ф. Гаврилов в конце 20-х годов нашего столетия у полукочевых узбеков на границах с Таджикистаном, но только применительно к питью бузы, приготовляемой из проса.¹ К этому времени кочевой образ жизни узбеков, связанный с пастбищным скотоводством, претерпел крупные изменения и был вытеснен культурой оседлой жизни. Кумыс уже исчез из быта узбеков; на смену ему как основному напитку появилась буза — продукт оседлой земледельческой культуры. М. Ф. Гаврилов обнаружил своеобразный обычай питья бузы и установил доподлинное сходство его, по крайней мере в основных моментах, с этикетом распивания кумыса, зафиксированным в упомянутой выше персидской рукописи. М. Ф. Гаврилов усмотрел в этом «один из фактов перенесения дворцовых обычаев узбекских ханов в широкие народные массы», что, как увидим дальше, лишено оснований.

Питье бузы в среде упомянутых узбеков являлось главным видом развлечения мужчин, устраивавших с этой целью своеобразные посиделки (шерда). Группа мужчин-односельчан приготовляла бузу, покупала вскладчину мясо для угощения. Из числа постоянных участников образовавшейся группы выбирали бия, двух аталыков (правого и левого) — заместителей бия, одного ишик-агасы (начальника помещения), одного ясаула (исполнителя распоряжений) и одного кравчего. Эти символические должностные лица точно соответствуют по терминологии некоторым реальным должностным лицам, присутствовавшим на церемониале узбекского хана, упоминаемым в персидской рукописи, опубликованной Бартольдом. В вечер, назначенный для распивания бузы, собравшиеся мужчины рассаживались в определенном порядке. На почетном месте (тор) усаживался бий, по обе стороны от него — правый и левый аталык, рядом с правым аталыком — ишик-агасы, у дверей помещался ясаул. Все остальные рассаживались вдоль стен справа и слева от бия. Питье происходило из общей круговой чаши. Кравчий, наполняя первую чашу, произносил над ней мусульманскую

¹ М. Ф. Гаврилов. Остатки ясы и усуну у узбеков. Ташкент, 1929.

формулу «алаяр» («бог да будет тебе другом») и подносил ее бию. Бий милостиво разрешал выпить эту чашу кравчему. Последний выпивал ее и снова подносил бию. Теперь бий осушал эту чашу и возвращал ее кравчему. Тот вновь ее наполнял и подносил сначала правому аталыку, затем поочередно по кругу сидящим рядом с правым аталыком, заканчивая круг аталыком, сидящим слева от бия. Во время питья бузы происходило взаимное угощение, чтение стихов (газелей), посвященных бузе, и т. п. М. Ф. Гаврилов сообщает целый ряд определенных правил этикета распивания бузы, нарушение которых немедленно же каралось «штрафом» (например, обливание виновного водой, и т. п.).

Таковы, в общих чертах, относящиеся к узбекам известные материалы, касающиеся определенного церемониала или этикета распивания кумыса, позднее бузы.

Подобный этикет мы обнаружили у южных алтайцев в отношении распивания молочной водки — араки. Нам представляется, что ознакомление с алтайским обычаем питья араки не только пополнит наши познания по этому вопросу, но позволит также объяснить происхождение и смысл описанного выше церемониала, так как у алтайцев этот обычай несет в себе более древние и существенные черты, проливающие свет на его генезис. Тем самым, может быть, удастся восстановить один из существенных моментов общественного быта древних кочевников, отражающий первобытно-общинный характер общественного строя кочевых скотоводческих племен. В существующей литературе нет даже упоминания о церемониале распивания араки у алтайцев. Мы описываем его по нашим полевым материалам, собранным в период с 1925 по 1940 г. в течение систематических поездок с этнографическими целями в различные районы Горного Алтая.

Еще недавно питье араки у южных алтайцев, т. е. у алтайцев скотоводческих районов, в летнее время происходило систематически с перерывами в несколько дней. В хозяйстве скотоводов среднего достатка араку выкуривали 2—3 раза в неделю, чтобы переработать накапливающееся от ежедневного удоя молоко в кислый сыр — курут, который (до социалистического переустройства жизни) являлся у южных алтайцев основой питания, заменяя им хлеб. Он заготавливался в летний период по возможности на всю зиму. Арака же являлась побочным продуктом при алтайском способе приготовления курута, который делали из творожистой массы, остающейся после перегонки кислого молока на араку. Поэтому в каждом айле, состоящем из нескольких юрт, практически пили араку ежедневно, собираясь в ту юрту, где происходило в этот день выкуривание ее. Пили араку коллективно — все взрослое и старшее мужское и женское население аула, связанное родственными или соседскими отношениями. И всегда в этих случаях придерживались одного и того же церемониала, который был одинаков как при повседневном распивании араки, так и при питье ее на праздниках (свадьба, камлание и т. п.), когда съезжалось большое количество гостей, иногда очень дальних.

Совместное распивание араки состояло из целой серии правил и обыкновений, которые были хорошо всем известны и бытовали, как обычай. Мы постараемся описать их последовательно во всех существенных подмеченных нами чертах, пользуясь при этом исключительно собственными наблюдениями.

Питье араки, как правило, происходило вечером, когда садится солнце и подоен последний раз скот. В юрте, где производилась перегонка, разводили яркий огонь, ставили на него чугунную чашу (на железном тагане), куда наливали заквашенное кислое молоко, и устанавливали над ней перегонный аппарат. Выкуренную теплую араку сливали в кожаную бутылку (тажаур) или иную посуду (например в большой медный или эмалированный чайник, в стеклянную бутылку емкостью 3—3.5 л). Обычно это делала та женщина, которая выкуривала вино (казан аскан кіжі), чаще хозяйка дома или ее дочь, невестка и т. п. (до революции в богатых зайсанских семьях все это делала женская прислуга). Приготовленную араку женщина передавала виночерпию, обычно хозяину юрты или кому-либо другому из его мужских родственников. Собравшиеся рассаживались в юрте в определенном порядке. Хозяин сидел почти напротив входа в юрту в переднем углу (төр), на границе мужской и женской стороны, у «изголовья» огня (отың бажы), лицом к двери. Справа от него, на мужской стороне, рассаживались мужчины, слева, на женской стороне, — женщины. Хозяйка юрты сидела в переднем почетном углу, тоже у «изголовья» огня, рядом с хозяином, возглавляя женскую часть собравшихся. Присутствующие рассаживались на земляном полу юрты на подстилках из кошмы, из бересты, из шкурок телят или жеребят, образуя круг. Мужчины сидели, поджав под себя обе ноги, а женщины — только одну ногу, вторую поставив (за исключением старух, которые также сидят обычно с поджатыми под себя ногами). Как мужчины, так и женщины рассаживались строго по рангу. Наиболее почетные лица и почтенные старики и старухи сидели ближе к хозяину и хозяйке, а менее почетные и молодежь — ближе к двери, замыкая круг.

Питье араки начиналось с того, что хозяин брал в левую руку маленькую деревянную чашечку (чочой), употреблявшуюся специально для араки, наполнял ее, а правой рукой (указательным пальцем или мизинцем, а иногда ложкой или стебельком травы) кропил из нее огонь и изображение духов-покровителей, висящих в переднем углу, а затем выпивал эту чашку. Потом он снова наполнял эту круговую чашечку и передавал ее соседу, сидящему от него справа. Виночерпий — хозяин, наливая араку из стоящего перед ним сосуда, должен всегда держать круговую чашечку в правой руке и подавать ее другим тоже только правой рукой. Подать чашечку левой рукой считалось недопустимым нарушением этикета и оскорблением для того, кому предназначалась эта очередная чашка. Сидящий рядом и справа от хозяина наиболее почетный участник пира, получавший чашку с вином первым из присутствующих, прикасался к ней губами или слегка отвеживал араки и возвращал ее хозяину со словами:

«уртазар, уртазар» (т. е. «выпейте, выпейте»). При этом виночерпий либо сдавался на просьбу и выпивал эту чашечку, а затем, наполнив ее снова, предлагал тому же человеку, который в таком случае беспрекословно выпивал араку и возвращал чашечку наливающему; либо он (виночерпий) также только прикасался к ней губами и опять протягивал угощаемому. В последнем случае, согласно хорошему тону, начиналось взаимное упрямство отведать (амзазар) из чашечки, которое обычно кончалось тем, что виночерпий и его почетный сосед делали по несколько глотков и чашку допивал все-таки последний. Затем виночерпий наливал следующую чашку и подавал ее следующему по порядку справа.¹ Тот, выпив араку, возвращал чочой виночерпию, и круговая (куар) чашка обходила всех по очереди. Дойдя до последнего, виночерпий почти без паузы повторял круг.

Если количество собравшихся невелико (20—25 человек), то виночерпий — один и обязательно мужчина. Он наделял аракой сначала всех мужчин по рангу, а после того как чашка возвращалась от последнего, виночерпий наполнял чашку для женщин, начиная передавать ее от сидящих в почетном переднем углу по очереди и кончая сидящими у самого порога. Когда арака кончалась и виночерпий наливал последнюю чашечку, он подавал ее соседу справа со словом: «турбань» (т. е. «вставание»). Получивший такой чочой лишь прикасался к ней губами и передавал ее с теми же словами дальше. Когда чашечка «турбань» доходила до последнего, тот, прикоснувшись к ней губами, вставал и нес ее виночерпию. Виночерпий выпивал эту чашку, а оставшиеся в ней капли араки выплескивал в огонь. После этого все немедленно подымались и выходили из юрты, за исключением тех, которые, будучи в состоянии сильного опьянения, не могли сделать этого сами и уходили с посторонней помощью или укладывались спать на том же месте, где сидели.

Эти же правила распространялись и на женскую половину юрты. Когда там роль виночерпия выполняла хозяйка, то она посылала чашечку также всем по порядку, но слева от себя. Таким образом, смысл описанного способа питья сводился к уравнительному распределению араки между собравшимися. Это подтверждается еще тем, что когда во время распивания араки входил запоздавший или случайно оказавшийся в этом ауле человек, виночерпий прерывал очередь подношения чашечки сидящим и наливал вошедшему. Затем каждый из присутствующих, получив свою очередную чашку, угощал ею вновь прибывшего. Нетрудно представить себе, в каком положении мог оказаться пришелец, если бы он выпивал все подносимые ему очередные чашки с аракой. Обычно этого не случалось, так как, принимая очередную (куар) круговую чашку, принадлежащую тому или иному лицу, запоздавший только прикасался к ней губами или делал маленький глоток и возвращал чочой угощавшему. Следовательно, возмещение доли распределяемой араки запоздавшему носило теперь скорее

¹ При распивании кумыса у узбекских ханов предпочтение отдавалось левой стороне, а при питье бузы у узбеков — правой.

символический характер. Однако мы были свидетелями и того, как некоторые любители выпить, оказавшись в описанном положении, реализовали это правило отнюдь не символически и в течение нескольких минут, выпив подряд с десятков таких поднесенных чашечек, выходили из строя.

При описанном церемониале распивания араки существовали определенные правила. Мы зафиксировали в свое время из них следующие. Чашечку с аракой виночерпий должен был подавать, как уже указывалось, обязательно правой рукой. Но и принимать чочой можно было только правой рукой. Каждый из присутствующих получал свою очередную круговую чашу, называемую «куар». Получивший чашу мог распоряжаться ею по своему усмотрению, т. е. либо выпить ее, либо преподнести любому из собравшихся, будь то мужчина или женщина. Желающий угостить своей порцией араки другого подходил к угощаемому, становился перед ним на левое колено (на правое нельзя становиться, потому что за голенищем правого сапога всегда лежали засунутыми трубка и кисет с табаком), протягивал к нему чочой, держа ее правой рукой, а левой поддерживая локоть протянутой руки, и пел в честь угощаемого импровизированную песню. Пропев песню, он предлагал чашку со словами: «чочоі, уртазар, манің ол, уртазар!» («выпейте чочой, она моя, выпейте!»).¹ Угощаемый принимал чашку и, держа ее в правой руке, отвечал своей песней-импровизацией. Затем перекладывал чочой в левую руку и, в знак уважения и признательности к угостившему, правой рукой проводил слегка по своей косичке,² которая у мужчин спускалась с темени на правую сторону затылка, а потом брал снова чочой в правую руку и выпивал араку. Женщины в таких случаях поступали точно так же и правой рукой гладили свою правую косу, лежащую на груди.³ Во время исполнения песни при угощении выражали одобрение и поощрение певцу возгласами: «кушта! кушта!».

Из других правил и обыкновений отметим недопустимость выпивать чочой до дна. Этикет требовал, чтобы на дне чочой, возвращаемой виночерпию для очередного наполнения, всегда оставалось немного араки. Пренебрегавших этим правилом стыдили, укоряли в жадности. Если кто-либо из почтенных мужчин подносил свою первую чашку хозяйке юрты, выкуривавшей араку, со словами: «казан аскан кижиге» (букв.: «человеку, подвешивавшему котел»), то позднее как сама хозяйка, так и почти каждая из присутствующих взрослых женщин отдавала свою очередную чашку этому мужчине, угощая его. Нельзя расплескивать араку, обливаясь ею при выпивании чашки. Неприличным считали долго задерживать в своих руках очередную круговую чашу.

Описанные правила и этикет довольно тщательно соблюдались присутствующими и нарушались редко, главным образом сильно опьяневшими.

¹ У телянгигов угощающий говорит: «манің ұлұмді ічип салзын» («выпей мою долю»).

² У шаманистов-алтайцев мужчины носили на темени косичку, а остальную часть головы коротко стригли. Обычай ношения косички мужчинами удерживался до 1930 г.

³ У южных алтайцев при появлении гостей женщины перебрасывали косы (связанные между собой) со спины на грудь.

Только бай, как мы наблюдали лично (по рассказам, так поступали раньше и зайсаны), позволяли себе некоторые отступления от этого старинного народного церемониала. Выражалось это, например, в том, что бай или зайсан выпивал араку из чочой до дна или, получив очередную чашу (куар), долго задерживал ее. Не угощая никого другого и не возвращая виночерпию, бай обычно держал наполненную чашечку в руке и вел длинные разговоры, задерживая процесс распития араки собравшимся обществом. Надо сказать, что, оказавшись в среде рядовых алтайцев, всегда в той или иной степени зависимых от него, бай или зайсан был, естественно, предметом общего внимания и каждый получивший куар считал долгом поднести ее этой богатой или сиятельной персоне. Практически это приводило к тому, что сия персона довольно быстро пьянела и сваливалась. Дальнейшее распитие араки, к удовольствию собравшихся, продолжалось без нее. Однако, как только подходила к опьяневшему очередная чашка, присутствующие старались разбудить его и вручить ему его порцию, независимо от того, был ли он баем или рядовым человеком. Таковы наши материалы об обычае питья араки у южных алтайцев.

Мы находим, что описанный нами церемониал является все-таки перенесением на араку старинного народного обычая питья кумыса. Доказательство этого мы усматриваем в следующем сообщении китайской летописи Танской династии, относящемся к древним тюркам Алтая и отмеченном в ней под 552 г. н. э. Кумыс, — повествует хроника, — является одновременно и опьяняющим напитком. При угощении им становились лицом друг к другу и пели песни.¹ Следовательно, алтайские тюркоязычные племена еще в VII в. пили кумыс и угощали им друг друга таким же образом, как это делают современные алтайцы в отношении араки. Стало-быть, в современном ритуале питья араки у алтайцев сохранились элементы довольно древнего комплекса правил и обычаев, соблюдавшегося в отношении питья кумыса в период раннего средневековья. Позволительно предположить, что и прочие описанные выше элементы ритуала питья араки у современных алтайцев, не удостоверенные сообщением летописи, обладают не меньшей древностью. Это кажется тем вероятнее, что в описанном современном ритуале ясно выступают такие весьма архаические моменты, как общая круговая уравнивательная чаша, как дополнительное наделение аракой от своей доли присутствующими каждого запоздавшего, как разделение пьющих на правую и левую половину по признаку пола. Арака вытеснила из быта алтайцев кумыс очевидно еще в период средневековья, ибо героический эпос южных алтайцев, сложившийся в основном в период с XV по XVIII в., отражает господство араки как главного напитка не только на пирах, но и в домашнем быту ханов, богатырей и простых людей. Подобное вытеснение кумыса, но только не молочной водкой, а напитком из проса (бузой), произошло после XVII в., как уже говорилось

¹ И а к и н ф. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии, т. 1 стр. 271.

выше, у кочевой части узбеков, в значительной мере перешедшей к оседлости и земледелию.

Мы затрудняемся указать на те конкретные причины, которые побудили алтайцев предпочесть араку кумысу. Возможно, что этому способствовало массовое разведение крупного рогатого скота как более молочного, из молока которого невозможно было получить кумыс, но которое весьма пригодно для перегонки на араку. Тем не менее, факт постепенного вытеснения кумыса аракой у ряда азиатских кочевников не подлежит сомнению. Изобретение молочной араки было сделано, скорее всего, в Азии в среде тюркских и монгольских кочевников. Однако идея этого изобретения, возможно, была позаимствована азиатскими кочевниками от арабов, о чем говорит само название молочной водки. Тюркское слово «аракь» и монгольское «араки» является широко распространенным в многих языках Востока и Запада арабским словом «арак» (عرق), означающим «испарина», «испарение», «финиковый эксудат».¹ Стало-быть, получение водки из кислого молока путем испарения его было усвоено азиатскими кочевниками от арабов, которые на основе этого технического приема получали вино из финиковых плодов. Только так можно объяснить, почему для напитка, полученного путем испарения кислого молока, монгольские и тюркские кочевники употребляют арабский термин в его точном техническом значении. Это обстоятельство позволяет датировать время появления араки у азиатских кочевников периодом их ранних связей с арабским миром, т. е. временем тюркского каганата и позднее, но периодом, предшествовавшим образованию империи Чингисхана. Известно, что вино из молока, наряду с кумысом, фигурирует уже в «Сокровенном сказании» монголов, относящемся к первой половине XIII в. Таким образом, во время тесного культурного общения тюркских и монгольских племен, в период образования государства монголов под владычеством Чингисхана, арака уже употреблялась как опьяняющий напиток.² Следовательно, не подлежит сомнению, что молочная водка появилась у кочевников позднее кумыса. Это тем более делает правдоподобным факт перенесения правил совместного распития кумыса на коллективное питье араки у южных алтайцев.

Вместе с этим, необходимо признать и то, что правила распивания араки у современных южных алтайцев и кумыса у узбеков XVII в. (при дворе хана), как и распивания бузы у полукочевых узбеков конца 20-х годов нашего столетия, обнаруживают в основных чертах поразительное сходство: ходила общая круговая чаша; первая чаша подносилась наиболее почетному или высокому по положению лицу, которое первоначально только отпивало из нее, а затем преподносило или жаловало другому. Может быть, выражение персидской рукописи, что пожалованный узбекским ханом эмир

¹ Б. Я. Владимирцов. Арабские слова в монгольском. Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР, т. V, Л., 1930, стр. 75.

² Кумыс, как известно, готовился ранними кочевниками Азии уже во времена Геродота.

должен был «обменять царскую чарку», которое В. Бартольд пояснил в специальном примечании таким образом: «Очевидно, чтобы подать виночерпию другую чарку из собственных чарок царя взамен поданной ему», — на самом деле означает то, что еще можно наблюдать в обычае питья араки у южных алтайцев. Правильнее понимать смысл этой фразы, исходя из алтайского обычая, так, что пожалованный ханом эмир должен был почтительно прикоснуться к царской чарке, поднести ее хану и затем уже, получив новое предложение хана, выпить ее. Поэтому-то этикет взаимного обмена чаши, сохранившийся у алтайцев, и выражался фразой «обменять царскую чарку». Далее, во всех описанных обычаях фигурируют или реальные, или символические представители правой и левой стороны. Все эти моменты в более чистом и первоначальном, а не символическом виде дошли до нас в обычае коллективного питья араки у южных алтайцев, в котором сохранилось деление участников на правую и левую стороны по весьма архаическому признаку пола. Следовательно, не перенесением дворцовых обычаев в народную массу, как это предложил М. Ф. Гаврилов, нужно объяснять узбекский обычай питья бузы, а сохранением в нем, хотя и в трансформированном виде, как и в дворцовом церемониале питья кумыса у узбекских ханов XVII в., древней народной традиции (тюркских кочевников) коллективного распития кумыса. Древний обычай угощения огня напитком из первой налитой чаши, сохранившийся у алтайцев-шаманистов, у узбеков-мусульман, заменился произношением мусульманского «аллаяр», под которым подразумевается сокращенное выражение мусульманской формулы благопожелания («алла яр болсын санга», т. е. «бог да будет тебе другом») над первой чашей бузы. Пение песен при взаимном угощении участников питья, до сего времени еще характерное у алтайцев, у полукочевых современных узбеков заменилось произношением стихов (газелей), посвященных бузе.

Тот же древний степной обычай, связанный с порядком коллективного распределения кумыса, следует видеть и в церемониале питья кумыса у узбекских ханов, получившем усложнение, дворцовую пышность и громоздкость, но сохранившем основные элементы народной традиции, выявленные нами на материале этого обычая у южных алтайцев. Итак, в дворцовом церемониале питья кумыса у узбеков XVII в. не только нельзя усмотреть факта заимствования дворцового обычая народными массами, но, напротив, происхождение самого этого дворцового церемониала можно правильно объяснить только на основе древней народной традиции кочевников.

В этой связи возникает вопрос: каким образом у народов, столь удаленных друг от друга, какими являются современные узбеки и алтайцы, лишенных по крайней мере на протяжении ряда последних столетий культурных связей, мог оказаться столь общий обычай коллективного питья кумыса? Такое явное сходство может быть объяснено только культурно-бытовым общением этих племен и народов в прошлом, общностью их исторической жизни, общностью их этногенеза. Все это действительно проис-

ходило в обширных степях Азии, Приаралья и Прикаспия в период господства кыпчакских тюркоязычных племен, а также в период образования и распада Джучиева улуса, т. е. с X по XIV в. Многочисленные тюркские кочевые племена в это время тесно общались на указанной огромной территории не только между собой, но и с монголоязычными кочевыми племенами, и сам процесс тюркского этногенеза, сохраняя тюркоязычную основу, протекал под сильным монгольским влиянием. Известно, что в период распада Джучиева улуса, или Золотой Орды, кыпчакские тюркоязычные племена составляли ту этническую основу, на которой происходило формирование ряда современных тюркских племен и народов, частично современных узбеков, особенно в той их части, которая еще недавно вела кочевой и полукочевой образ жизни, затем казахов, южных алтайцев и др. Нам уже приходилось обращать внимание на это обстоятельство при объяснении общности эпического творчества у алтайцев, узбеков, казахов, нагайцев и других тюркоязычных племен и народов.¹

И мы здесь только напоминаем об этом, чтобы объяснить приведенные выше узбекско-алтайские параллели, связанные с обычаем коллективного потребления кумыса, араки и бузы.

Трудно сомневаться в том, что этот степной обычай в указанное время был широко распространен применительно к кумысу. И только позднее, в процессе дальнейшей и обособленной жизни упомянутых тюркских племен и народов, когда по тем или иным причинам питье кумыса заменилось изготовлением и употреблением других напитков, обычай коллективного потребления их в среде отдельных племен и народов изменялся и трансформировался, хотя долго сохранял в реальном или символическом виде основные общие черты.

К сожалению, мы не располагаем данными об этом обычае у других тюркских племен и народов, как, например, казахов, киргизов, где этот вопрос, насколько нам известно, никем не исследовался, но где этот обычай также должен был существовать. Возможно, что степной обычай питья кумыса был распространен и у средневековых монголов, поскольку автор персидской рукописи, описывая церемониал узбекских ханов, говорит об этом со ссылкой на монгольское обычное право (ясу и юсун).

Тесная культурная связь тюркских кочевников с монгольскими в древности, как и в средневековье, несомненна. Она относится к различным областям материальной и духовной культуры (пища, одежда, жилище, героический эпос и т. д.). Отражение ее, если иметь в виду вопросы, связанные с пищей и способами ее распределения, помимо распределения напитков, можно видеть и в способе разделки, например, туши баранов и раздела мяса на определенные части, предназначенные для различных категорий лиц мужского и женского пола. Эти способы до деталей

¹ Героический эпос у алтайцев. Советская этнография, 1949, № 1.

совпадают у древних монголов, казахов и алтайцев.¹ Такое совпадение тоже нельзя считать случайным.

Подводя итог сказанному, мы позволим себе утверждать, что описанный обычай коллективного питья кумыса, араки, бузы у алтайцев и узбеков возник на основе обычая совместного распития кумыса и приобрел общие черты в период совместной исторической жизни этих племен и народов, в результате былой общности их культуры и быта. Однако все это не объясняет еще ни причины, ни времени возникновения этого обычая. Хотя нам известно о существовании этого обычая у тюркоязычных алтайских кочевников в VII в. по сообщению китайской летописи Танской династии, но датировать время возникновения его пока невозможно. Мы знаем, что кумыс как напиток кочевников упоминается у Геродота, что кумыс употреблялся у гуннов при дворе Атиллы, но существовал ли определенно установленный порядок его совместного распития, сказать мы не можем.

Несколько иначе обстоит дело с вопросом: каким образом возник этот обычай, в силу какой причины? В этом отношении нам представляется возможным выдвинуть определенное объяснение, так как материал для решения этого вопроса содержится в предшествующем нашем изложении. Мы считаем, что этот обычай возник как форма распределения кумыса среди членов кочевой общины, которая в древние времена вела общее хозяйство, приготавливала кумыс сообща, может быть даже в общей посуде, для всех членов кочевого объединения в рамках рода или, позднее, большой семьи. Только в свете подобного объяснения основной элемент этого обычая — уравнительное распределение общего кумыса в виде общей круговой чаши, подаваемой каждому поочередно, — становится понятным и оправданным. Сомневаться в былой общности приготовления кумыса у кочевников решительно нет никаких оснований. Напротив, даже современный этнографический материал дает нам на это ясное указание. По записям С. М. Абрамзона, произведенным во время его этнографической экспедиции к киргизам в 1948 г., следует, что у киргизов, если кочевавшая вместе группа родственников жила дружно, кумыс делали в одной юрте, куда сносили все кобылье молоко. Когда кумыс был готов, утром в эту юрту созывали всех родственников, говоря: «кәлгәлә, кымыз ічкәлә» («Приходите кумыс пить»), — и пили кумыс совместно.² С. М. Абрамзон подробно не исследовал вопроса о правилах или обычаях этого совместного питья кумыса у киргизов, но отметил, что в течение дня здесь каждый, кто хотел, мог притти в эту юрту и выпить кумыса.

Следовательно, степной обычай, которому посвящена наша статья, появился в условиях первобытно-общинного быта кочевников и был порожд-

¹ Н. И. Ильминский. Древний обычай распределения кусков мяса, сохранившийся у киргизов. Известия Археологического общества, т. II, 1861; Г. Гомбаев. Примечание на письмо Н. И. Ильминского к П. С. Савельеву. Там же.

² Запись сделана от колхозника Молтая Байкозуева, в колхозе Кызыл Октябрь Сары-Камского сельсовета Артурмчальского района Киргизской ССР.

ден этими условиями, при которых общинным было не только производство, но и собственность на продукты этого производства, как было общим и потребление некоторых видов продуктов, видимо не только кумыса, но и мяса. Общий для группы родственников кумыс, приготовленный из общего молока, общими усилиями, и пили сообща, уравнительно, но при распределении соблюдали очередность по принципу старшинства, почета, пола и т. п., что также нашло отражение в отдельных моментах этого обычая, выявленных и подчеркнутых нами выше.

Итак, исследование обычая питья кумыса, бузы, араки у алтайцев и узбеков дает определенные результаты, значение которых выходит из рамок истории культуры данных народов и приводит в весьма мало известную нам область первобытно-общинного быта кочевников, господствовавшего среди них в древности. Эта область является особенно трудной для современного конкретного исследования, ибо современные кочевники уже давно пережили период первобытно-общинного быта и восстановить его теперь в реальных чертах весьма нелегко, главным образом из-за отсутствия источников. Тем более ценным является в этом смысле этнографический материал, позволяющий проникнуть вглубь истории, в совокупности с другими материалами, дающий возможность хронологизации этих явлений и выяснения их этнической принадлежности и связей. Можно не сомневаться также и в том, что изучение и анализ древнего обычая распределения кусков мяса у кочевников также даст ценные результаты для выяснения основных черт так мало известного в их истории первобытно-общинного быта. Однако это должно составить предмет самостоятельной статьи.
